

О. В. Никитин

Журнал продолжает публикацию заметок о неизвестных страницах отечественной лексикографии XX века (см. №1 и №3 за 2016 год)

«КАКОЕ СЛОВО ВАЖНЕЕ, АГИТПУНКТ ИЛИ ИЕРОДИАКОН, ФОТОГРАФИЯ ИЛИ ФЕЛОНЬ...» (ЛЕТОПИСНЫЕ СТРАНИЦЫ «СЛОВАРЯ» С. И. ОЖЕГОВА)

OLEG V. NIKITIN

«WHICH WORD IS MORE IMPORTANT, AGITPUNKT [“THE PROPAGANDA STATION”]
OR IERODIAKON [“HIERODEACON”], FOTOGRAFIJA [“A PHOTO”] OR FELON’ [“A FELON”]...»
(THE CHRONICLE PAGES OF THE “DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE” BY S. I. OZHEGOV)

Очерк освещает малоизвестные события 1940–1950-х годов, связанные с подготовкой и изданием первого однотомного нормативного «Словаря русского языка» С. И. Ожегова. Автор вводит в контекст статьи новые архивные материалы, приоткрывающие редкие факты из биографии «Словаря». В работе представлены и анализируются редакторская полемика, обсуждение рукописи учеными коллективами, приводятся отклики читателей. Обнародованные и прокомментированные сведения из истории создания «Словаря» показывают, насколько сложной с идеологической точки зрения и неоднозначной была трактовка отдельных слов, из-за которых часто происходили лексикографические «баталии». Статья завершается публикацией одной показательной рецензии на «Словарь», напечатанной в центральном органе партийной печати газете «Культура и жизнь» в канун известной «дискуссии о языке», и ответ С. И. Ожегова, основывающий отношение автора к проблеме.

Ключевые слова: языковая личность; словарь; лексикология; лексикография; наука и идеология; история языкознания.

The analytical review describes little-known events of 1940–1950s, related to the preparation and publication by S. I. Ozhegov of the first regulatory single-volume “Dictionary of the Russian Language”. The author introduces new archival materials, revealing some rare facts from this dictionary’s history. The paper presents and analyzes the editorial debate, research teams’ discussion of the manuscript, its feedback from the readers. The history of “The Dictionary”, published and commented in the paper, shows the complexity and inconsistency of the interpretation of individual words from ideological point of view, and describes the lexicographic “battles” often occurred because of it. The article is concluded by the publication of a symptomatic review of the “The Dictionary”, printed in the capital party newspaper “Culture and Life” on the eve of the famous “debate on the language”, and S. I. Ozhegov’s answer, motivating his attitude towards the problem.

Keywords: language personality; dictionary; lexicology; lexicography; science and ideology; history of linguistics.

Олег Викторович Никитин

Доктор филологических наук,
профессор кафедры истории русского
языка и общего языкознания
Московский государственный
областной университет
ул. Радио, д. 10А
г. Москва, 105005, Россия
► olnikitin@yandex.ru

Oleg V. Nikitin
Moscow State Region University
Radio str., 10A
Moscow, 105005, Russia

Уже минуло несколько десятилетий со времени выхода в свет первого однотомного толкового словаря современного языка послереволюционной эпохи, составителем которого был известный российский лексикограф Сергей Иванович Ожегов (1900–1964). А он до сих пор продолжает свою непростую биографию и остаётся по сути единственным нормативным популярным авторским словарем, сохранившим культурную традицию и ее ценности, завещанные А. А. Шахматовым, Л. В. Щербой, Д. Н. Ушаковым. «Словарь русского языка» С. И. Ожегова — это событие особой значимости. Именно с подобных филологических вершин начинается и ими движется настоящая наука в ее глубинном гуманитарном

осмыслении (см. материалы о предыдущем этапе российской лексикографии [2; 4; 5; 6]) Одному из таких ярких эпизодов нашей недавней истории посвящен этот очерк о легендарном «Словаре русского языка» С. И. Ожегова, который стал настольной книгой не для одного поколения ученых и читателей.

Издание «Словаря» было настоящим событием в научной и общественной жизни того времени и вызвало большую дискуссию не только в профессиональной среде, но и у тех его многочисленных читателей, для кого и создавался он. Многие эпизоды той, ставшей уже «притчей во языцех», истории до сих пор неизвестны, иные забылись, а что-то еще не найдено. В Архиве РАН, где бережно хранится личный фонд С. И. Ожегова, есть любопытные свидетельства, позволившие нам приоткрыть завесу таинственности и, с другой стороны, «общеизвестности» «Словаря». По нашему мнению, они имеют большую ценность, ибо находятся пока вне современных трафаретов и догм. За найденными документами стоят живые факты нашей истории, дискуссии и люди, чьи имена и поступки во многом определяли развитие общественной мысли в то непростое время и повлияли в какой-то мере на облик «Словаря».

Идея составления так называемого «Малого толкового словаря русского языка» принадлежала Д. Н. Ушакову и была поддержана самыми активными ревнителями лексикографического труда и прежде всего Сергеем Ивановичем Ожеговым. В июне 1940-го была создана Комиссия по составлению «Малого толкового словаря», куда вошли Д. Н. Ушаков, В. А. Петросян, С. И. Ожегов и Н. Л. Мещеряков. Председателем ее был назначен В. А. Петросян, занимавший важный пост директора Института языка и письменности АН СССР и немало потрудившийся в 1930-е гг. для «пробивания» «Ушаковского словаря». Он имел большой опыт организационной деятельности. Последний из членов Комиссии — старый партиец Н. Л. Мещеряков, так сказать, обеспечивал «идеологическое прикрытие» ответственному замыслу. Понятно, что основная работа по собиранию, отбору, толкованию слов и формулировке научной

Член-корреспондент АН СССР
Дмитрий Николаевич Ушаков.
Фото 1941 г.

Член-корреспондент АН СССР
Николай Леонидович Мещеряков.
Фото 1920–1930-х гг.

концепции издания лежала на двух ученых — Д. Н. Ушакове и С. И. Ожегове. В повестке дня того июньского заседания был план издания «Малого толкового словаря русского языка». По предложению Д. Н. Ушакова в редакцию включили и Г. О. Винокура. Важным шагом в такой деятельности должно было быть обеспечение возможной свободы в авторском деле, именно на этом участники заседания делают акцент: «Учитывая опыт издания четырехтомного Толкового словаря (имеется в виду „Толковый словарь русского языка“ под ред. Д. Н. Ушакова. — О.Н.), надо признать, что редакции, для успешной ее работы, должна быть предоставлена *полная* (курсив наш. — О.Н.) ответственность за ведение и организацию всего дела <...>» (Архив РАН. Ф. 1516. Оп. 1. Ед. хр. № 10. Л. 39). В ходе дискуссии Н. Л. Мещеряков возражал против введения его в состав редакции, объясняя это тем, что «творцами словаря будут Д. Н. Ушаков, С. И. Ожегов и Г. О. Винокур, но что он, не состоя в редакции, будет оказывать помощь словарю, который имеет огромное научное и общественное значение» (Там же). Н. Л. Мещеряков предложил «ускорить сроки выработки и окончание работ». Как указано в протоколе заседания, С. И. Ожегов, «возражая Мещерякову, доказывает необходимость участия в словаре именно в качестве члена редколлегии, так как Мещеряков имеет большой организационный опыт вообще и близко знает работу Толкового словаря». Д. Н. Ушаков и В. А. Петросян также поддержали С. И. Ожегова.

В итоге заседания 10 июня 1940 года Комиссия приняла следующие решения:

«1. Образовать редакцию Малого Толкового словаря русского языка в составе чл.-корр. Академии Наук АН СССР Д. Н. Ушакова (главный редактор), старшего научного сотрудника ИЯП АН СССР С. И. Ожегова (зам. главного редактора), старшего научного сотрудника Института литературы им. Горького проф. Г. О. Винокура и член.-корр. Академии Наук СССР М. Л. Мещерякова» (Там же, л. 39).

Одним из пунктов в резолюции записан срок сдачи Словаря в производство — июль 1942 года (Там же, л. 39 об.).

Так, накануне Отечественной войны, возник еще один просветительский проект, и редакторы принялись за его осуществление. В те же годы был выработан план словаря, в котором очерчены основные его цели и задачи, и Инструкция по оформлению (лл. 11–38). Укажем главное:

«1. Малый Толковый Словарь предназначен для широкого читателя и является нормативным: он должен быть пособием для изучения современной правильной литературной русской речи. <...>

2. Словарь будет включать в себя 60000 слов; общий объем словаря — 120 авторских листов в одном томе.

3. Наиболее трудный вопрос — состав словника — должен быть решен таким образом, чтобы словарь мог отражать основной лексический состав литературного языка с включением наиболее существенных разновидностей устной и письменной речи. В основу Малого Словаря кладется словник четырехтомного Толкового Словаря под ред. члена-корр. АН СССР Д. Н. Ушакова» (Там же, л. 1).

Из других наиболее важных в научном отношении и полезных постулатов были выдвинуты, в частности, такие: краткие указания на происхождение заимствованных слов, «особое внимание будет обращено на стилистическое различие синонимичных слов» (Там же, л. 5). Весьма актуальным, на наш взгляд, являются и принципы отбора слов. Так, по мнению автора плана (очевидно, он составлялся С. И. Ожеговым), из Словаря предполагалось исключить узкую специальную лексику, не имеющие большой ценности областные слова, просторечные элементы «с явно выраженным вульгарным оттенком», слова народно-поэтической речи, не вошедшие в общий язык, «старинные или устаревшие слова, практически не нужные с точки зрения понимания текстов классической литературы или ближайшей исторической действительности»

(на этом пункте мы делаем особый акцент, так как именно он впоследствии вызовет ожесточенную полемику в среде марристов-марксистов), «новые слова, в том числе и сокращенные, не вошедшие в общий язык», «неприличные слова и слова фамильярного стиля», «собственные имена», словоназвания лиц, профессионально занимающихся чем-нибудь» (Там же, лл. 1–4).

Из приведенных фрагментов предварительного плана видно, что составители и редакторы Словаря одной из основных своих задач считают *нормативный* характер лексикографической работы. Любопытно в этом контексте примечание С. И. Ожегова в его заметке «О принципах построения Малого Толкового словаря». Он полагал, что «построение и оформление <...> должно быть предельно четким (возможно меньше условных сокращений, типизация отсылок и т. п.)» (Там же, л. 60).

Начало работы над Словарем — в 1941 году. К этому сроку планировалось подготовить первые 40–45 авторских листов, а завершить проект намечено на 1942 год (Там же, л. 5). Увы, эти замыслы и уже начавшуюся активную подготовку и сбор материалов пришлось отложить на пять лет. Все же в годы войны каждый из участников редакции в разной степени пытался выполнить свой план, и финансирование этого проекта не прекращалось, но едва ли было возможным полностью сосредоточиться на деле, иметь под рукой все необходимые материалы. Д. Н. Ушаков и многие сотрудники Института языка и письменности были эвакуированы в Ташкент, С. И. Ожегов оставался в Москве, а Г. О. Винокур в «захолустном» Чистополе. Но эта работа и давние теплые отношения их сплачивали. В апреле 1942 года не стало Д. Н. Ушакова. Г. О. Винокур, вернувшись из эвакуации, отошел от работы, его отношения с С. И. Ожеговым после смерти дорогого учителя заметно охладели. С уходом Д. Н. Ушакова изменилась и сама околонуточная атмосфера (см. подробнее: [3]). Нужно было искать иных соратников и защитников.

К концу 1945 — началу 1946 г. в издательство АН СССР поступила рукопись «Словаря», составителем которого значился С. И. Ожегов

Академик АН СССР Сергей Петрович Обнорский, главный редактор «Словаря русского языка» (М., 1949). Фото конца 1940-х гг. (Архив РАН. Разряд X. Оп. 4. Ед. хр. № 74)

Сергей Иванович Ожегов. Фото конца 1940-х гг. (Из домашнего архива О. В. Никитина)

(им был подготовлен практически весь корпус статей), а главным редактором академик С. П. Обнорский. Первая попытка выпустить этот труд не увенчалась успехом: «внутреннее рецензирование» было выдержано весьма в критических, но не обличительных тонах, с пожеланием пересмотреть и доработать словарь. «Рукопись в представленном виде посылать в набор нецелесообразно» (Архив РАН. Ф. 1516. Оп. 1. Ед. хр. № 216. Л. 98), — такое решение принял редакторский отдел издательства. Эта была *первая* рецензия на «Словарь», первый удар, но от своих...

Ознакомившись с ее текстом от 23 марта 1946 года, подписанным старшим научным редактором издательства АН СССР А. И. Корчагиным, мы обратили внимание на некоторые показательные эпизоды (отметим прежде, что многие замечания редактора, действительно разбиравшегося в этом вопросе, очень конкретны и с пользой были восприняты С. И. Ожеговым, о чем свидетельствуют его пометы на полях, другие же, на наш взгляд, в силу политической конъюнктуры, были излишне идеологизированными).

Так, неодобрение редактора вызвало толкование слова «святки». У С. И. Ожегова: «праздничное время от Рождества до Крещения». А. И. Корчагин пишет:

«Недоумение, вызываемое этим определением, пожалуй, еще серьезнее. Под праздничным временем принято разуметь дни нерабочие, а от Рождества до Крещения по-

чти две недели. Спрашивается: где, у кого, в какой среде наблюдал автор то, что зафиксировано им в объяснении слова „святки“? Отметки об устарелости понятия или какой-нибудь другой, которая, возможно, устранила бы недоумение, нет и здесь» (Там же, л. 77).

Другому слову — «сандалии» — было дано толкование, также не устроившее рецензента: *Сандалии... легкая обувь, состоящая из подошвы, привязываемой ремешками к ноге*. А. И. Корчагин заключает:

«Определение явно неудовлетворительное. Обычные для нашего производства сандалии состоят не только из подошвы, но имеют и верх. О них вообще достаточно было бы сказать — легкая летняя обувь, не *привязывая* их к *ноге*. Но автор, видимо, задался целью в одном коротком определении сказать также о сандалиях древних греков и римлян, действительно представлявших собой подошвы, прикреплявшиеся к ногам ремешками (такой род обуви употребляется некоторыми народами и в наше время). В результате — неудача. <...>» (Там же, лл. 80–81).

Здесь предпочтительнее было бы говорить о том, что необходимо разграничить устаревшее значение и современное (см., напр.: [10: 26]) или же дать соответствующую ссылку. Ср.: «Толковый словарь русского языка» (т. 4, 1940 г.) под ред. Д. Н. Ушакова указывает помету «истор.» [11: 47]. Заметим, что в словарях последних лет дается либо краткое значение: «Легкие открытые летние туфли без каблуков» [1: 517], либо указывается *первоначальный* смысл [7: 696].

Следующие замечания, указанные редактором издательства, были также исправлены С. И. Ожеговым. Вот два примера из ошибок в стиле определений: «Батон... длинный белый

Титульный лист первого издания «Словаря русского языка» С. И. Ожегова (М., 1949)

хлеб», «Ботинки... сапоги, закрывающие щиколотку» (Архив РАН. Ф. 1516. Оп. 1. Ед. хр. № 216. Л. 87). Все это говорит о том, насколько сложная работа предстояла лексикографу, и Сергей Иванович всегда прислушивался к тому разумному, что предлагали ему рецензенты, отсекая лишь то, что не соответствовало его принципам, выработанным в совместной работе с Д. Н. Ушаковым.

Недоумение у редактора вызвал и отбор слов:

«Словарь задуман как одностомник. Понятно поэтому, — пишет А. И. Корчагин, — что в него не вошли многие слова. Что же делать? Можно бы сказать, что на нет и суда нет, если бы использованный составителем словник не возбуждал некоторых сомнений.

Почему, скажем, в словарь не включены такие слова, как *продналог*, *продразверстка*, а такие, как *семик* или *хиротония*, нашли в нем место? Разве для молодежи, например, которая будет пользоваться словарем, последние представляют большой интерес?» (Там же, л. 89).

Все же эта самая «невинная» из рецензий на еще не изданный «Словарь» С. И. Ожегова — пристрастная, но не безыдейная, по сравнению с остальными, да и заключение, которое сделал автор, действительно выглядит обнадеживающе: «Мы верим этому словарю» (Там же, л. 97).

В Архиве РАН есть и другие отзывы на рукописи 1-го и 2-го изданий «Словаря». Из них укажем рецензию кафедры русского языка ЛГПИ им. А. И. Герцена, написанную доцентом И. О. Козелюкиной (Там же, лл. 54–57), рецензию О. Долгополовой на букву «В» рукописи первого издания (л. 39–46) и многие другие, в целом вполне сбалансированные и корректные.

Верную оценку получила рукопись подготовившегося 2-го издания «Словаря», данная Н. Ю. Шведовой 24 июля 1950 года. Она, указав на ряд неточностей и ошибок, заключила рецензию словами:

«Словарь С. И. Ожегова — необходимое пособие для самых широких кругов читателей, <...> скорейшее переиздание Словаря, верно и полно отражающего основной словарный состав нашего языка, является делом первоочередной важности» (Там же, л. 136).

Другой коллега С. И. Ожегова — С. Г. Бархударов, также ознакомившийся с рукописью второго издания (слова на буквы «г» и «з»), так характеризовал выполненную автором работу:

«Достаточно указать, что в русской лексикографической традиции „Словарь“ С. И. Ожегова был по сути дела первым более или менее удачным (курсив наш. — О.Н.) опытом создания одностомного толкового словаря современного русского языка. <...> С. И. Ожегов и акад. С. П. Обнорский внесли в свой одностомник еще в 1-м издании много интересного, свежего как в подборе слов, так и в расположении, толковании и в особенности установлении грамматических и орфографических норм» (Там же, л. 1).

Важно, на наш взгляд, отметить, что Сергей Иванович при подготовке «Словаря» не ориентировался на социальный заказ, а стремился учесть и богатый опыт отечественной истории лексикографии, и, конечно же, личную тягу к тому, что отвергалось ею в советский период — ведь корни у С. И. Ожегова все же были духовные, просветительские, а значит, он не мог отвернуться от русской национальной истории, ее религиозных традиций, быта и всего уклада жизни, который нельзя перечеркнуть никакими революциями и постановлениями. С. И. Ожегов был мужественным человеком и до конца преданным своему делу даже в таком, очень непростом вопросе. Именно он и вызвал лавину недружелюбной критики.

Обратимся подробнее к одной из таких рецензий. Ее автор, известный в те годы маррист, не раз, кстати, выступавший в дискуссиях 1930-х годов с речами против «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, Ф. П. Филин, с нескрываемой неприязнью писал в отзыве на первое издание «Словаря» (от 9 мая 1950 года):

«Какое слово важнее, *агитпункт* или *иеродиакон*, *фотография* или *фелонь*, <...> *военком* или *схимонах* <...>? Ответ совершенно ясен. Однако автор неизвестно по каким причинам пошел по пути странному для советского языковеда: „эконом[я]“ на крайне нужных словах, он ввел

Федот Петрович Филин. Фото конца 1940-х гг.

в „Словарь“ огромное количество культово-религиозных терминов и иных ненужных или малонужных слов <...>» (Там же, л. 140). «Если выписать все эти слова с их определениями, — говорится далее в отзыве, — получится (без преувеличения) краткое пособие для „истинно верующих“ и начинающих богословов» (Там же, л. 144).

Далее Ф. П. Филин приводит список этих слов (лл. 144–146) в подтверждение своей правоты, а заключительный «аккорд» его рецензии едва ли потребует каких-нибудь комментариев:

«Приходится лишь крайне изумляться, как вся эта религиозная пропаганда могла быть напечатана в массовом словаре <...> Но более того! Когда заходит речь о терминах и понятиях православной религии, в „Словаре“ постоянно дается „объективистско-положительная“ оценка! <...> Если бы я лично не знал автора, то с основанием мог бы предположить, что в составлении „Словаря“ принимал активное участие какой-нибудь застарелый православный иеромонах, а не советский ученый-языковед!» (Там же, л. 146).

Эти реплики напомнили нам отголосок той дискуссии об Ушаковском словаре, где звучали такие «речи»:

«... политически незаостренный, беззубый, демобилизирующий классовую борьбу, <...> буржуазное и мелкобуржуазное мышление <...>» (см. подробнее письмо С. И. Ожегова Д. Н. Ушакову от 24 декабря 1935 года, Архив РАН. Ф. 1516. Оп. 2. Ед. хр. № 136. Лл. 14–14 об).

На этом, однако, рецензент не остановился, завершив «обсуждение» следующей фразой:

«Всю эту массу религиозной терминологии, которая не нужна ни для понимания современного русского языка, ни для понимания языка дореволюционных классиков русской литературы, из однотомного словаря нужно решительно изъять. Но, конечно, не все слова. Некоторые, вошедшие в научный обиход или с переосмыслением в общую речь, надо сохранить, дав им правильное, соответствующее передовому советскому языкознанию мировоззрению, объяснение» (Архив РАН. Ф. 1516. Оп. 1. Ед. хр. № 216. Л. 146).

В заключение, оценивая труд своего коллеги, Ф. П. Филин все же сказал, что «новое издание однотомного „Словаря“ С. И. Ожегова» «совершенно необходимо» (Там же, л. 154). Признавая заслуги С. И. Ожегова «как большого специалиста в области словарной работы», Ф. П. Филин считал, что требуется значительная правка статей, а «резкий тон некоторых замечаний (оказывается. — О.Н.) целиком обусловлен существом (курсив наш. — О.Н.) дела» (Там же).

Готовя новое издание, С. И. Ожегов, разумеется, не мог обойти такую «демобилизирующую» критику. В 1950 году он вновь передает Ф. П. Филину рукопись статей новой редакции. В июле того же года рецензент пишет С. И. Ожегову:

«Группа религиозно-культовых терминов хотя и сокращена, но продолжает занимать непомерно большой удельный вес» (Там же, л. 155).

Предлагая ряд ценных замечаний и указывая на пропуски и ошибки, автор нового отзыва снова недоволен твердой позицией С. И. Ожегова и опять пытается убедить его в необходимости построения *советского* словаря русского языка.

«Эти „словарные трупы“, — пишет далее Ф. П. Филин, имея в виду не исключенные С. И. Ожеговым *апокалипсис, аналой, иеромонах, иконостас* и др., — могут интересовать только церковников да очень немногих специалистов-языковедов.

Но дело не только в представленном в Словаре составе культовых терминов. Обращают на себя внимание также определения значений этих терминов. <...> Возьмем для примера слово *икона*. С. И. Ожегов дает такое определение этому слову: „Живописное изображение бога или святого у христиан, образ“. Не знаю, может быть, богословы найдут какие-нибудь детали для оспаривания этого определения, но в основном оно их вполне устроит. Но правильно ли оставлять в советском „Словаре“ богословскую точку зрения?» (Там же, л. 156).

Приведем и другие отрывки из этого любопытного документа. Анализируя лексику, представленную в «Словаре», Ф. П. Филин останавливается прежде всего на тех «словарных трупах», которые не отвечают «марксистскому пониманию дела». Пойди С. И. Ожегов на поводу у подобных рецензентов, и «Словарь» мог бы стать типичным образцом «продукта» советской эпохи, эдаким пропагандистским эшеломом. Но здесь и закончилась бы его жизнь. Вот некоторые из указанных автору замечаний:

Арго — «условный язык обособленной группы, профессии, кружка и т. п.». Такое толкование дает в рукописи 2-го издания С. И. Ожегов. Его оппонент возражает: «Какой же язык арго? Это не язык, а скорее болезненный нарыв на здоровом теле общенародного языка, нарыв, от которого язык обычно освобождается. В определении слово „язык“ надо или взять в кавычки, или заменить его словом „диалект“ (последнее лучше)» (Там же, л. 159).

Аристократия — «высший родовитый слой господствующего класса, дворянства». «Определено объекти-

вистски, — пишет Ф. П. Филин, — да еще с положительной оценкой. Надо подчеркнуть эксплуататорский, паразитический характер аристократии» (Там же).

Карга — «злая старуха, ведьма». Рецензент недоумевает: «Можно подумать, что ведьмы (слово дано без кавычек) действительно существуют в природе! Нужно прибавить: „в ругательном смысле“ или еще как-нибудь иначе» (Там же, л. 160).

Католицизм — «христианское вероисповедание с церковной организацией, возглавляемой римским папой». Это толкование вызвало ожесточенное сопротивление критика: «Нельзя давать такое определение! Нам ведь хорошо известно, что католическое население стран народной демократии порвало какие-либо связи с римским папой — злейшим врагом человечества» (Там же).

И таких примеров немало. Для истории науки данная рецензия весьма показательна как факт научной полемики «вокруг Словаря», где твердая позиция составителя и редактора позволила сохранить для потомков ценный лексикографический труд, служащий не одному поколению исследователей и читателей.

В заключение обратимся подробнее к самому яркому политическому памфлету того времени — рецензии Н. Родионова [8: 4] «Об одном неудачном словаре» — и ответному письму С. И. Ожегова. Основными недостатками «Словаря» автор отзыва считал «отсутствие целеустремленности, хаос в подходе к словарному составу». Это выражается, по его мнению, в отсутствии трех основных составляющих лексикографического труда: во-первых, это должен быть словарь *современного* языка; во-вторых, в нем необходимо отразить прежде всего общеупотребительную лексику, свойственную *литературному* языку; в-третьих, основа любого словаря — это *нормативный* характер лексики и строгость в подходе к отбору слов, их толкованию и т. п. Опираясь на «лучшие» идеологические традиции и применяя известные методы устрашения, Н. Родионов писал:

«При просмотре обнаруживаются пропуски общеизвестных современных слов — агитпункт, военком, политрук, физкультура и т. д. Очень часто составители смотрят на слова с точки зрения прошлого, а не настоящего. Уже несколько лет назад иноземное слово лозунг заменено в нашем языке хорошим русским словом призыв. В Словаре есть только первое слово, а второго нет. Имеется слово торговка, а слова продащица нет. Зато много далеких от современности слов, таких, как аббат,

Сергей Иванович Ожегов. Фото конца 1950-х гг.
(Их домашнего архива О. В. Никитина)

архипастырь, амикошонство, миропомазание, декокт, которые составители вынуждены пространно комментировать, ибо многие их не знают и в нашей литературе они почти не встречаются» [Там же].

Возражая рецензенту, С. И. Ожегов очень корректно и грамотно всякий раз открывал фактическую сторону вопроса и приводил допустимые в то время доказательства (особенно, если это касалось богословских терминов и подобной «непопулярной» лексики). В частности, одну из упомянутых выше реплик рецензента ученый пояснял так:

«...есть в словаре как слово *торговка*, так и слово *продащица*. Только слово *торговка* стоит отдельно, как заглавное слово, т<ак> к<ак> по значению оно не совпадает со словом *торговец*, а слово *продащица* стоит в гнезде слова *продавец*, т<ак> к<ак> эти слова семантически идентичны. Правила гнездования подобных слов (названия лиц женского пола) изложены в предисловии к Словарю и строго выдержаны по всему Словарю».

На замечание Н. Родионова о «далеких от современности» словах религиозной семантики С. И. Ожегов ответил следующее:

«...подобные слова не всегда легко выбросить из словаря ... и редкость или ограниченность сфер их употребления еще не может быть достаточным критерием для их устранения. И прав т. Родионов, говоря, что многие их не знают. Подобные слова встречаются не только в исторических произведениях, в художественной литературе, но и в прессе, и советский читатель должен иметь возможность узнать значение малоизвестных для него слов. Так, имя известного деятеля мира *аббата* Буле часть встречается на страницах нашей прессы. Воззвание мира подписывают польские *аббаты* и *евангелические* священники. Недавно сообщалось в газетах о том, что

архипастыри русской, грузинской и армянской церкви подписали воззвание мира. Ср. ещё „акт миропомазания Викентия в патриархи“, „верные патриарху священнослужители, патриарх Гавриил принял участие в праздновании пятисотлетия автокефалии русской православной церкви и в совещании глав автокефальных православных церквей“ („Литературная газета“, 15 августа 1950 г.)».

Далее, комментируя якобы нелитературный характер «Словаря», рецензент недоумевал:

«Почему они (составители. — О. Н.) как из рога изобилия сыплют профессиональные, местные и жаргонные слова. То и дело встречаются: *холява*, *натореть*, *ржище*, *вишь*, *глядь* и т. д.» [Там же].

В подтверждение «нелитературности» Н. Родионов перефразировал известное высказывание В. И. Ленина о неуместности употребления иностранных слов, причисляя к ним и такие, ставшие общеизвестными, как *аббревиатура*, *эмфаза* и др.

С. И. Ожегов всегда последовательно разрешал во многом спорные вопросы практической лексикографии и при этом ориентировался на живые источники: разговорную, литературную речь, художественные произведения, язык современной прессы. Будучи профессионально грамотным и любознательным историком-лексикологом, он, например, хорошо понимал, что сужение рамок литературного языка и его необоснованное приравнивание к жаргонам едва ли возможно. «*Вишь*, *глядь*, *натореть*, широко распространенные и у наших классиков и в живой разговорной общенародной речи. *Ржище* из диалектного слова уже перерастает в общий сельскохозяйственный термин. *Холява* — русский термин стекольного и кожевенного производств», — заключал С. И. Ожегов.

Что же касается специальной технической и научной терминологии, которая также, по Н. Родионову, не отражает литературного характера «Словаря», то ученый, на наш взгляд, привел весьма убедительное суждение. Он писал:

«Словарь стремился всегда давать русские терминологические соответствия, но, как известно, они не всегда есть в языке, и потому нельзя было избежать таких языковедческих терминов, как *аббревиатура*, *диакритический*, *эмфаза*, таких музыкальных, как *диатонический*, *бекар*. Но прав автор, что слова *эгрет*, *экзерциции*, *антиципация*, как устарелые, могут быть исключены из Словаря. Слово *гиль* т. Родионов напрасно включил в число ино-

странных: оно древнее русское корневое слово, по-видимому, в старину входившее в основной словарный фонд русского языка. Вопрос об отборе иноязычных слов не такой простой, как думает т. Родионов. Из огромного количества иноязычных слов, встречающихся и в общей и в специальной речи, Словарь включал только то, что представлялось необходимым с той или иной точки зрения. Приходится взвешивать каждое слово, определять его удельный вес в словарном составе, и лексикограф всегда, представляя возможную сферу употребления слова, предпочитает включить лишнее, чем изгнать то, что может оказаться нужным».

Приведем и другие замечания Н. Родионова, свидетельствующие о «примитивном», по его мнению, подходе к словарному делу. Так, автор рецензии подверг сомнению не только необходимость включения терминологической лексики, но посчитал нецелесообразным объяснять и значение общеупотребительных слов. Он заявлял:

«В другую крайность впадают составители, когда пытаются объяснить каждое существительное, независимо от того, насколько оно хорошо всем известно. Кто не знает, что такое яичница? Но в Словаре она имеет объяснение: „Кушанье из поджаренных яиц“. Слово грабли объясняется так: „Колодка с зубьями, насаженная на длинную рукоятку, для сребания сена, для разрыхления земли на грядках“. Каждый русский человек знает, что такое грабли, и не следовало этому слову давать такое неуклюжее объяснение» [Там же].

С. И. Ожегов в своем ответе Н. Родионову не только показал однополярность его идеологических установок и стремление к «совершенствованию» «Словаря» ненаучными методами, но и полную безграмотность рецензента в оценке практических вопросов языкознания и непонимание сложности тех задач, которые стоят перед русской наукой в этой области. Оппонируя Н. Родионову, С. И. Ожегов вполне обоснованно утверждал:

«Нельзя согласиться с т. Родионовым, что толкования общеизвестных слов излишни. Помимо того, что понятие общеизвестности весьма относительно, принятие этого предложения привело бы к тому, что весь основной словарный фонд остался бы без объяснения, а в многозначных словах не были бы представлены их основные значения. Кроме того, Словарь служит не только русским людям, но он необходим и для представителей других народов нашей многонациональной страны».

И далее:

«По-видимому, недоразумением вызвано противопоставление нормативного словаря толковому. К сожалению».

нию, мы, языковеды, до сих пор не заботились о рассеивании ходячих и часто неправильных представлений о языке, языкознании и о задачах лексикографии в частности».

При составлении «Словаря» С. И. Ожегов знакомился с большим количеством специальной литературы и, конечно же, использовал опыт составителей предыдущих лексиконов. Потому пристальное внимание к слову для него было не просто *работой*, но тем естественным состоянием духа бесконечного искателя и труженика Науки. И в этой своей деятельности он был одержимым и дорожил поиском истины в филологии.

«Лексикографы по опыту хорошо знают, — писал ученый в ответ Н. Родионову, — что любое определение может стать предметом высмеивания. Известны ходячие анекдоты об определениях Даля, академических словарей, Толкового словаря <Д.> <Н.> Ушакова. „Гравий — крупный песок“, „Толокно — толченая мука“ — как будто действительно смешно. Но вдумавшись, увидим иное. Гравий и песок — разные формы одних и тех же обломочных пород. Породы до 2 мм в диаметре по технической терминологии называются песком, а свыше 2 мм — гравием. Есть гравий крупного диаметра, употребляемый при изготовлении бетона и асфальта, а есть мелкий гравий (т. е. в 2–3 мм — крупный песок), идущий, как и песок, на посыпку, напр<имер>, дорожек в парках и т. п. Обвинение здесь может быть предъявлено по другой линии: учтен только один вид гравия, известный в быту».

С. И. Ожегову стоило немалых усилий отстоять *научные* основы лексикографической работы, показать несостоятельность аргументов своего оппонента лингвистическим путем, оценить их с позиции филолога, а не «стадиального исследователя». Ученый открыто об этом говорил:

«Анализ материалов, использованных в статье, показывает, что они недостаточны для сделанных т. Родионовым выводов. Многие материалы включены частью по ошибке, частью по недоразумению — подбор их случаен. Вывод, сделанный на основе этих материалов, о том, что Словарь не отражает состояния современного литературного языка, представляется мне неправомерным и односторонним. Он основан, отчасти, не только на приведенных материалах, но и на представлениях о коренной ломке русского языка в советскую эпоху, о скачкообразном развитии языка. Ещё критики „Толкового словаря“ под ред. <Д.> <Н.> Ушакова требовали радикальной „подчистки“ русского языка изгнанием из него всего того, что не отражало, по их мнению, „нового стадиального периода“ в развитии русского языка».

Рецензию Н. Родионова завершала показательная фраза, венчавшая «разоблачение»

и имеющая в отечественной традиции особую политическую тональность:

«Несомненно одно: „Словарь русского языка“, составленный С. И. Ожеговым, не отражает современного состояния русского языка. Чтобы сделать словарь полезным для читателя, необходимо переработать его при участии научных учреждений и широкого круга специалистов» [Там же].

С. И. Ожегов в ответе корректен и в то же время непреклонен, когда речь идет о фальсификации результатов немалого лексикографического труда. Оттого, наверное, Сергей Иванович не мог обойти гнусную ложь, и последний абзац его «ответов» звучит еще более определенно и принципиально. Пр процитируем эти строки:

«Подведем итоги. В рецензии т. Родионова, как мы видели, есть то, что следует несомненно принять к сведению для соответствующих исправлений. Но этого слишком мало для рецензии, помещенной в руководящем органе печати. К сожалению, она далека от тех требований, которые мы предъявляем к советской критике. Автор рецензии не изучил словаря, не изучил истории советской лексикографии, не вник в сложный комплекс языковедных проблем (в частности, в вопрос о лексических границах современного литературного русского языка <...>), не задался вопросом о том положительном, что есть в Словаре (а оно, по-видимому, есть, судя по отзывам советской и зарубежной критики и по материалам обсуждений в научных учреждениях и вузах). Сформулированный в заглавии вывод рецензента представляется односторонним, построенным на случайно взятом, недостаточном и неисчерпывающем материале».

Замечательный документ сохранился в архиве ученого: через месяц после выхода горе-рецензии он получил опровержение от ...аспиранта Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко М. Черпа, не побоявшегося вступить в дискуссию и защитить «Словарь» и его автора. Симптоматично название отзыва молодого исследователя: «О Словаре русского языка и неудачной рецензии тов. Н. Родионова» (Архив РАН. Ф. 1516. Оп. 1. Ед. хр. № 216. Лл. 114–124). В ней, в частности, М. Черп писал:

«Рецензия является ярким образцом бездоказательной, нечестной критики, ничего, кроме вреда, не приносящей нашей науке» (Там же, л. 118).

Далее ее автор показывает, в чем состояла клевета Н. Родионова:

«Но больше всего возмущают приемы, которыми пользуется рецензент. В своем стремлении оклеветать словарь он не брезгает ничем. Он извращает, фальсифицирует показания словаря. О *нации* не говорится, что это „часть человечества“. Это слово в словаре объясняется так: „Исторически сложившаяся часть человечества, объединенная устойчивой общностью языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры“ (стр. 410) <...>» (Там же, л. 120).

После выхода первого издания «Словаря» действительно развернулась большая дискуссия, но по другой причине: он оказался настолько популярным среди читателей и исследователей и авторитетным в научных кругах, что С. И. Ожегова буквально забросали письмами с откликами. Можно, наверное, с определенной долей уверенности даже сказать, что подъем *национального* интереса к языку и русскому слову был вызван трудами С. И. Ожегова по лексикографии и прежде всего в ее практической части — составлении «Словаря русского языка», пропаганде родной речи в средствах массовой информации, в организации научно-популярного издания «Вопросы культуры речи» и других, не менее важных начинаниях Сергея Ивановича, которые продолжили его ученики.

Однако ни выступления авторитетных ученых, ни письмо самого С. И. Ожегова в редакцию газеты «Правда» не остановили уже запущенный механизм «очернительства». Это тем более драматично, что рецензия Н. Родионова (1950 г.) вышла как раз накануне известной дискуссии, начало которой было положено статьей И. В. Сталина «Относительно марксизма в языкознании».

Заметим, что в следующем, 17-м, номере газеты «Культура и жизнь» была опубликована указанная работа вождя с ответами на вопросы. Многие газетные полосы этого «передового органа советской культуры» были заполнены характерными заголовками. Так, в номере от 11 июля 1950 года помещалась статья И. В. Сталина «К некоторым вопросам языкознания. Ответ товарищу Е. Крашенинниковой», передовицу от 11 августа того же года открывала заметка С. Толстова «За передовое советское востоковедение».

Разумеется, клеветническая рецензия Н. Родионова не могла быть оставлена «без внима-

Сергей Иванович Ожегов работает над своим «Словарём». Фото конца 1950-х — начала 1960-х гг. (Из домашнего архива О. В. Никитина)

ния», и делу дали ход. В газете «Культура и жизнь» (№ 24 от 31 авг. 1950 г., с. 4) в соответствующей рубрике читаем:

«Начальник Главного управления по делам полиграфической промышленности, издательств и книжной торговли при Совете министров СССР в приказе по управлению отметил, что в словаре русского языка (составитель С. И. Ожегов) <...> допущены серьезные ошибки, которые справедливо (sic! — О. Н.) отмечала газета „Культура и жизнь“ <...>. Дано указание переработать словарь, устранить имеющиеся в нем недостатки и обсудить исправленную рукопись словаря в научных учреждениях и среди читателей».

Вот уж воистину сказано: «Словарь, что календарь: как ни скажет — все соврет» (Архив РАН. Ф. 1516. Оп. 1. Ед. хр. № 7. Л. 23 об.), — такую запись сделал Сергей Иванович в своем рабочем блокноте, как бы предвидя нападки и «остроты» клеветников.

Заметим, что при жизни автора вышло шесть изданий однотомного «Словаря»: 1-е — 1949 год [9], 2-е (1952) и 4-е (1960) были исправленными и дополненными, 3-е (1953), 5-е (1963), 6-е (1964) — стереотипными. Вплоть до начала 1990-х годов вышло 23 издания. Объем «Словаря» вырос с 57 тыс. до 70 тыс. единиц, увеличился корпус статей, расширилось описание семантической структуры многозначных лексем, улучшились иллюстративная часть и показ фразеологических связей, было введено немало слов, отражающих современное состояние языка.

В 1990 году Академия Наук СССР присудила «Словарю русского языка» С. И. Ожегова Премию им. А. С. Пушкина.

Приложение

Н. Родионов

Об одном неудачном словаре

Уже давно назрела необходимость в создании словаря современного русского языка. В. И. Ленин ещё в январе 1920 года в письме А. В. Луначарскому писал: «Не пора ли создать словарь настоящего русского языка, скажем, словарь слов, употребляемых **теперь** и **классиками**, от Пушкина до Горького».

Отсюда понятен тот живейший интерес, с которым встретил советский читатель вышедший в 1949 году однотомный «Словарь русского языка» (составитель С. И. Ожегов, главный редактор академик С. П. Обнорский).

Из предисловия к Словарю следует, что он представляет собой общедоступное пособие, которое призвано содействовать повышению культуры речи широких «народных масс, изучению и пониманию современного русского литературного языка» и что «основной задачей Словаря является уточнение норм литературной русской речи, сложившихся в современную эпоху».

Однако при ознакомлении со Словарем читателя ждет разочарование. Отсутствие целеустремленности, хаос в подходе к словарному составу — таковы основные недостатки Словаря.

Составители Словаря утверждают, что их труд — словарь **современного** языка. Но это далеко не так. Достаточно сказать, что в Словаре нет таких типичных для марксистской философии русских терминов, как **самодвижение**, **взаимосвязь**. При просмотре обнаруживаются пропуски общеизвестных современных слов — **агитпункт**, **военком**, **политрук**, **физкультура** и т. д. Очень часто составители смотрят на слова с точки зрения прошлого, а не настоящего. Уже несколько лет назад иноземное слово **лозунг** заменено в нашем языке хорошим русским словом **призыв**. В Словаре есть только первое слово, а второго нет. Имеется слово **торговка**, а слова **продавщица** нет. Зато много далеких от современности слов, таких, как **аббат**, **архипастырь**, **амикошонство**, **миропомазание**, **декокт**, которые составители вынуждены пространно комментировать, ибо многие их не знают и в нашей литературе они почти не встречаются.

Составители Словаря утверждают далее, что их труд — словарь **литературного** языка. Однако непонятно, почему они как из рога изобилия сыплют профессиональные, местные и жаргонные слова. То и дело встречаются: *холява*, *натореть*, *ржище*, *вишь*, *глядь* и т. д.

Как ни странно, но в Словарь русского языка составителями включено множество иностранных слов, которые не имеют сколько-нибудь заметного распространения. Известно замечание В. И. Ленина о том, что незачем употреблять иностранные слова, когда имеются соответствующие русские, «к чему говорить «дефекты», когда можно сказать недочеты, или недостатки, или пробелы». Тем не менее составители включили в Словарь такие слова, как **диакритический**, **экзерциции**, **антиципация**, **бекар**, **аббревиатура**, **гиль**, **диатонический**, **эгрет**, **эмфаза** и многие другие.

Составители считают свой Словарь **нормативным**, т. е. показывающим только, в каком виде слово пишется и про-

износится и к какой части речи оно относится. Однако часто из нормативного Словарь превращается в толковый; при этом толкования слов даются в нем порой неточно и даже неправильно. Так, например, слово **нация** имеет объяснение, что это «часть человечества». В объяснении слова коммунизм ничего не сказано о социализме, как первой стадии **коммунизма**. Несмотря на многозначность (так у Н. Родионова. — О. Н.) слова **партийность**, оно объясняется только в одном значении: принадлежность к партии.

В другую крайность впадают составители, когда пытаются объяснить каждое существительное, независимо от того, насколько оно хорошо всем известно. Кто не знает, что такое **яичница**? Но в Словаре она имеет объяснение: «Кушанье из поджаренных яиц». Слово **грабли** объясняется так: «Колодка с зубьями, насаженная на длинную рукоятку, для сгребания сена, для разрыхления земли на грядках». Каждый русский человек знает, что такое грабли, и не следовало этому слову давать такое неуклюжее объяснение. А если уж взялись объяснять, то надо было сказать, что в настоящее время существуют грабли деревянные и железные, ручные и конные. Странно объясняется слово **колесо**. Оказывается, что это «круг, вращающийся на оси и приводящий в движение повозку или механизм». Известно, между тем, что не все колеса вращаются на оси и что колеса не являются источником движения, в том числе у повозки. «Гравий — крупный песок», «толокно — толчёная мука», — толкуют составители, не задумываясь о том, что какой бы вид ни имел песок, он все-таки не гравий и что если зерно превращено в муку, нет нужды его толочь. Невольно вспоминается русская пословица: «Толки воду — вода и будет». Прimitивны объяснения: «Мокрица — живущее в сырых местах мелкое животное с большим количеством ножек», «Рот — отверстие между губами». На грани вульгарности объяснение: «Мать — женщина по отношению к её детям, или самка по отношению к её детёнышам».

Немало претензий к составителям возникает по поводу группировки слов, или, как говорят языковеды, гнездования. По мнению составителей они пользуются семантико-словообразовательным типом гнездования слов, т. е. главное внимание обращают не на историю и происхождение слов, а на их значение и роль в образовании новых слов. Но этот принцип часто нарушается.

Слишком вольны замечания авторов по поводу правописания и произношения слов. В русском языке известную трудность представляет правописание наречий, особенно тех, которые образованы из существительных с предлогом типа: **в тупик**, **за глаза**, **на руку**. Предложение составителей писать эти наречия, как и существительные, неправильно. В языке всегда есть стремление как-то отличить одно явление от другого. Чтобы отличать наречия от существительных, их пишут слитно с предлогом.

Можно было бы сделать ряд замечаний по поводу допускаемого составителями неточного определения сложных слов, правописания суффиксов и другие.

Несомненно одно: «Словарь русского языка», составленный С. И. Ожеговым, не отражает современного состояния

русского языка. Чтобы сделать словарь полезным для читателя, необходимо переработать его при участии научных учреждений и широкого круга специалистов.

С. И. Ожегов

Письмо редактору газеты «Культура и жизнь» по поводу рецензии Н. Родионова на «Словарь» С. И. Ожегова

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ»

Копия редактору газеты «Правда»

11 июня 1950 года газета «Культура и жизнь» опубликовала статью Н. Родионова «Об одном неудачном словаре» по поводу *Словаря русского языка*, составленного С. И. Ожеговым, под ред. <акцией> С. П. Обнорского (М., 1949).

Словари языка, включая в себе описание словарного состава с его семантикой, правописанием, грамматикой и произносительной характеристикой каждого слова, представляют собой своего рода энциклопедию языка. При этом словари, в отличие от пособия по языку других типов, являются универсальным пособием, обращенным к широкой массе народа, ко всем людям, независимо от их специальности, рода занятий, степени образованности. Поэтому понятно, насколько важно лексикографу, желающему сохранить живые связи с современностью, знать критические мнения и ученых специалистов, и профессиональных критиков, и рядовых читателей. Наличие таких связей — залог плодотворности работы лексикографа. В многообразных, подчас противоречащих друг другу отзывах, лексикограф, опираясь на теоретические положения языковедной науки, должен уметь найти здоровое начало, обнаружить материалы, которые могут повести к плодотворным выводам.

Главный вопрос, который привлекает особое внимание критики и который составляет предмет особенной заботы лексикографа, это вопрос о словарном составе и определении значений. Практически это вопрос о правильном отборе слов и значений для помещения в словарь. Теоретически это вопрос о лексических границах современного литературного языка. Если практически эти вопросы так или иначе разрешались и приводили к созданию словарей, то теория значительно отставала и не освещала путь практике. В теории о границах словарного состава существовала путаница, созданная Марром и его последователями. Считалось, что русский язык советской эпохи — качественно новое явление, возникшее якобы в результате полного переворота в языке. Конкретно это понималось таким образом, что русский язык должен быть освобожден от всех слов, которые, по мнению марровцев, не отражали советской идеологии. Должно было быть подвергнуто ostracismu то, что не отражало сегодняшнего дня. Это влекло к «очищению» русского языка от массы национальных выразительных средств, от лексики, которая живет в народе и которая нужна народу для деятельности, для понимания исторической действительности.

Учение И. В. Сталина о языке и его специфике, об основном словарном фонде и словарном составе теоретически обосновывает и проблемы лексикографии. Указание И. В. Сталина о том, что русский язык со времен Пушкина

Дружеский шарж В. Д. Левина на С. И. Ожегова.
Рисунок начала 1960-х гг.

не претерпел какой-либо ломки, что «современный русский язык по своей структуре мало чем отличается от языка Пушкина» («Марксизм и вопросы языкознания», стр. 7) вместе с указанием на характер происшедших за это время изменений (серьезное пополнение словарного состава, выпадение устаревших слов, изменение смыслового значения) дают нам ключ к историческому и диалектическому пониманию современного словарного состава и его семантики. Создание теоретических основ лексикографии на базе учения И. В. Сталина — наша очередная задача. Словари содействуют выполнению этой задачи и потому нуждаются во всесторонней, принципиальной и глубокой критике (ср. статью «Преодолеть отставание литературной критики» в газ. <ете> «Культура и жизнь» 11 авг. <уста> 1950 г.).

Статья Н. Родионова содержит в себе суждения о словарном составе, об определении слов, мнения о некоторых разделах словаря и общие выводы. При этом надо сказать, что часть конкретных материалов и общих соображений мне была известна и ранее по тем же читательским письмам и рукописным рецензиям, которые имел в своем распоряжении и Н. Родионов.

1). Остановимся на конкретных материалах, относящихся к вопросу о составе словаря. Правильно отмечен пропуск таких слов, как *самодвижение* и *взаимосвязь*, пропуск существенных значений в слове *партийность*. Особенно автор статьи останавливается на пропуске слова типа *агитпункт*, *военком*, *политрук*, *физкультура*. Однако он не прав, усматривая в этом «отсутствие целеустремленности, хаос в подходе к словарному составу». Словарь имел совершенно четкие установки при отборе сложносокращенных слов. Эти установки изложены в предисловии к словарю. Много сложносокращенных слов имеется в словаре, но число их, действительно, ограничено. Уже давно ведется у нас борьба с излишним употреблением сложносокращенных слов. Известны выступления М. Горького, Л. М. Кагановича, писателей, общественных работников и прессы против ненужных и излишних сокращений. Мои наблюдения над практикой их употребления в разных стилях речи показывают, что сокращения становятся все более и более ограниченными в общем литературном языке. Характерно, напр. <имер>, что «Правда» в своих передовицах (см. «Правда» от 6 авг. <уста> 1950 г.) не пользуется словом

физкультура как вполне идентичным с сочетанием *физическая культура*, но широко применяет прилагательное *физкультурный* и существительное *физкультурник*, как слова, которые нельзя заменить другими для выражения данных понятий. Не бесспорна также необходимость включения слова *военком*, т<ак> к<ак> хотя это слово встречается в произведениях советской литературы, но теперь практическое применение его очень ограничено. Ясно, с другой стороны, что слово *агитпункт* надо было бы включить: хотя оно по значению совершенно идентично сочетанию *агитационный пункт*, но по сути дела сочетание и в устной бытовой речи и в письменной почти полностью вытеснено сложносокращенным словом *агитпункт*. Слово *политрук*, как и многие другие сокращенные слова, в соответствии <с> установками словаря, изложенными в предисловии, есть в Словаре и помещено в гнезде морфемы *полит-*. Я остановился на этих примерах, чтобы показать, как опасно с плеча решать вопрос о сложносокращенных словах. Во многих читательских письмах имеются мотивированные замечания о необходимости включения тех или иных сокращенных слов, состоявшихся в общем языке, и потому необходимых в Словаре, даже однотоном. При дальнейшей работе над словарем следует пересмотреть принципы помещения сокращенных слов в сторону возможного расширения их состава.

Автор статьи пишет, что «уже несколько лет назад иноземное слово *лозунг* заменено в нашем языке хорошим русским словом *призыв*». Однако это не совсем так. Слово *призыв* в одном из своих значений вполне совпадает со словом *лозунг*, что дало возможность 9 лет тому назад заменить его словом *призыв*, но только в одной области употребления — *призывы* ЦК ВКП(б). В прочих сферах употребления слово *лозунг* полностью сохраняется в словарном русском составе. Ср., например: «Партия укрепляется тем, что очищает себя от оппортунистических элементов — в этом один из *лозунгов* большевистской партии, как партии нового типа» (*История ВКП(б), Краткий курс*, Госполитиздат, 1938 г., стр. 137) или «14 августа в Лейпциге, на площади Президент-Фридрихсплац, состоялся митинг под *лозунгом* борьбы за мир» («Правда», 17 августа 1950 г.). Кстати, и слово *призыв* есть в словаре, что т. Родионов, к сожалению, не заметил.

Далее, есть в словаре как слово *торговка*, так и слово *продавищица*. Только слово *торговка* стоит отдельно, как заглавное слово, т<ак> к<ак> по значению оно не совпадает со словом *торговец*, а слово *продавищица* стоит в гнезде слова *продавец*, т<ак> к<ак> эти слова семантически идентичны. Правила гнездования подобных слов (названия лиц женского пола) изложены в предисловии к Словарю и строго выдержаны по всему Словарю.

Действительно, такие слова, как *аббат*, *архипастырь*, *амикошонство*, *миропомазание* обозначают понятия, далекие от нашей современности. Но вместе с тем подобные слова не всегда легко выбросить из словаря, так как они еще входят в наш словарный состав и редкость или ограниченность сфер их употребления еще не может быть достаточным критерием для их устранения. И прав т. Родионов, говоря, что многие их не знают. Подобные слова встречаются не толь-

ко в исторических произведениях, в художественной литературе, но и в прессе, и советский читатель должен иметь возможность узнать значение малопонятных для него слов. Так, имя известного деятеля мира *аббата* Булье часть встречается на страницах нашей прессы. Воззвание мира подписывают польские *аббаты* и *евангелические* священники. Недавно сообщалось в газетах о том, что *архипастыри* русской, грузинской и армянской церкви подписали воззвание мира. Ср. ещё «акт *миропомазания* Викентия в патриархи», «верные патриарху *священнослужители*, патриарх Гавриил принял участие в праздновании пятисотлетия *автокефалии* русской православной церкви и в совещании глав *автокефальных* православных церквей» («Лит<ературная> газета», 15 авг<уста> 1950 г.). Слово *амикошонство* встречается в нашей прессе, в частности в фельетонах. В эту группу по недоразумению попало слово *декокт* — термин нашей аптекарской и вкусовой промышленности. Иное дело — оно, может быть, нуждается в устранении как узкоспециальное.

Автор статьи слишком суживает понятие литературного языка. А между тем словарный состав многообразен по своим выразительным средствам. Вряд ли теперь, после работ И. В. Сталина в области языкознания можно признать жаргонными такие слова, как *вишь*, *глядь*, *натореть*, широко распространенные и у наших классиков и в живой разговорной общенародной речи. *Ржище* из диалектного слова уже перерастает в общий сельскохозяйственный термин. *Холява* — русский термин стекольного и кожевенного производств. По поводу последних двух слов может быть поставлен вопрос — не слишком ли они узкоспециальны с точки зрения принятых в Словаре принципов помещения специальных слов.

Автор статьи вольно толкует цитату В. И. Ленина об употреблении иностранных слов без надобности. Как известно, В. И. Ленин протестовал против расширительного, нетерминологического, французско-нижегородского употребления иностранных слов. Слово *дефект* вовсе не изгоняется из языка как термин. Ср., например, выражение *дефективная стратегия*. Словарь стремился всегда давать русские терминологические соответствия, но, как известно, они не всегда есть в языке, и потому нельзя было избежать таких языковедческих терминов, как *аббревиатура*, *диакритический*, *эмфаза*, таких музыкальных, как *диатонический*, *бекар*. Но прав автор, что слова *эгрет*, *экзерциции*, *антиципация*, как устарелые, могут быть исключены из Словаря. Слово *гиль* т. Родионов напрасно включил в число иностранных: оно древнее русское корневое слово, по-видимому, в старину входившее в основной словарный фонд русского языка. Вопрос об отборе иноязычных слов не такой простой, как думает т. Родионов. Из огромного количества иноязычных слов, встречающихся и в общей и в специальной речи, Словарь включал только то, что представлялось необходимым с той или иной точки зрения. Приходится взвешивать каждое слово, определять его удельный вес в словарной составе, и лексикограф всегда, представляя возможную сферу употребления слова, предпочитает включить лишнее, чем изгнать то, что может оказаться нужным. Разносторонняя

критика в этом отношении является важнейшим условием успешности словарной работы. Как легко впасть в ошибку показывает такой случай. Перерабатывая словарь, я, взвесив предложение критика-читателя Словаря о необходимости исключить слово *превалировать*, как ненужное устарелое интеллигентское слово, имеющее полное русское соответствие, решил его вычеркнуть наряду с другими аналогичными. Через некоторое время стало ясно, что слово *превалировать* и сейчас входит в словарный состав русского языка: его применил И. В. Сталин в своей работе «Относительно марксизма в языкознании». Следовательно, здесь лексикограф совершил ошибку: он не предусмотрел наличия существующих реальных возможностей употребления подобных слов в современном языке.

Анализ материалов, использованных в статье, показывает, что они недостаточны для сделанных т. Родионовым выводов. Многие материалы включены частью по ошибке, частью по недоразумению — подбор их случаен. Вывод, сделанный на основе этих материалов, о том, что Словарь не отражает состояния современного литературного языка, представляется мне неправомерным и односторонним. Он основан, отчасти, не только на приведенных материалах, но и на представлениях о коренной ломке русского языка в советскую эпоху, о скачкообразном развитии языка. Ещё критики «Толкового словаря» под ред. <Д.><Н.>Ушакова требовали радикальной «подчистки» русского языка изгнанием из него всего того, что не отражало, по их мнению, «нового стадийного периода» в развитии русского языка. Труды И. В. Сталина показали антимарксистскую сущность этих представлений, но остатки этих представлений ещё продолжают существовать (ср. рецензию Ф. П. Филина в августе этого года на однотомный словарь). Благодаря гипнозу «новой науки о языке» с её антимарксистскими взглядами на развитие языка лексикографическая теория переживала полосу разброда. Не было теоретической ясности в таком важном вопросе, как вопрос о словарном составе, об отборе слов в разные типы словарей современного литературного языка. Поэтому лексикографическая практика наша не свободна от ошибок. <...>

2). О значениях слов. Нельзя согласиться с т. Родионовым, что толкования общеизвестных слов излишни. Помимо того, что понятие общеизвестности весьма относительно, принятие этого предложения привело бы к тому, что весь основной словарный фонд остался бы без объяснения, а в многозначных словах не были бы представлены их основные значения. Кроме того, Словарь служит не только русским людям, но он необходим и для представителей других народов нашей многонациональной страны.

Лексикографы по опыту хорошо знают, что любое определение может стать предметом высмеивания. Известны ходячие анекдоты об определениях Даля, академических словарей, Толкового словаря <Д.><Н.>Ушакова. «Гравий — крупный песок», «Толокно — толченая мука» — как будто действительно смешно. Но вдумавшись, увидим иное. Гравий и песок — разные формы одних и тех же обломочных пород. Породы до 2 мм в диаметре по технической терми-

«Старик и море». Любимая фотография С. И. Ожегова. Прибалтика. 1963 г. (Из домашнего архива О. В. Никитина)

нологии называются песком, а свыше 2 мм — гравием. Есть гравий крупного диаметра, употребляемый при изготовлении бетона и асфальта, а есть мелкий гравий (т. е. в 2–3 мм — крупный песок), идущий, как и песок, на посыпку, напр<имер>, дорожек в парках и т. п. Обвинение здесь может быть предъявлено по другой линии: учтен только один вид гравия, известный в быту. Далее, уже после прочтения рецензии, я убедился, что толкование слова *толокно* дано с точки зрения старых кустарных производственных процессов, а именно, по способу производства муки: она была или толчёная, или обычная молотая. Ныне техника изготовления изменилась, и определение, данное в Словаре, вызывает насмешку. *Мокрица* действительно животное ракообразное, не насекомое. Круг, не приспособленный к движению на оси по-русски называется не *колесом*, а обручем и т. п. В определении слова *грабли* должно быть учтено современное состояние техники. Определения некоторых слов (*нация*, *рот*) в рецензии т. Родионова приводятся не полностью и создают у читателя статьи представление о грубой ошибке Словаря. Определение слов *партийность*, *мать* нуждаются в уточнении. Вообще же, даже ошибочные замечания т. Родионова об определениях значений слов принимаю с благодарностью, т<ак> к<ак> они дают пищу лексикографу для пересмотра аналогичных случаев.

3). По-видимому, недоразумением вызвано противопоставление нормативного словаря толковому. К сожалению, мы, языковеды, до сих пор не заботились о рассеивании ходячих и часто неправильных представлений о языке, языкознании и о задачах лексикографии в частности.

4). Вызывает недоумение абзац об орфографии в словаре. Словарь не вольничал в этом отношении, а целиком следовал нормам правописания, выработанным Правительственной орфографической комиссией. Т. Родионов не обратил внимание на ссылку об этом в предисловии. К сожалению, свод этих орфографических правил до сих пор находится в стадии утверждения.

5). Очень жаль, что т. Родионов не изложил своих претензий относительно гнездования. Эта система в таком виде, как это принято в Словаре, — новая, и всякие замечания были бы и интересны, и полезны. Неясно, что имел в виду т. Родионов, говоря о допущенных неточностях в определениях сложных слов. Какие специфические недостатки в определении именно сложных слов? Почему т. Родионов выделяет вопрос о неточности правописания именно суффиксов? Словарь этот разряд грамматических форм не выделяет и специально о них не говорит.

6). Очень грустно, что т. Родионов в начале своей статьи представляет положение в области словарной работы таким образом, что создает у читателя впечатление полного запустения на этом участке работы, а однотомный словарь оказывается случайным явлением. Между тем советская лексикография имеет и свою историю, и свои достижения, и свои недостатки. Попыты построения словаря современного языка начались еще в 20-х годах со времени известных указаний В. И. Ленина, одно из которых цитирует т. Родионов. Эти попытки завершаются в процессе разработки методологических вопросов современной лексикологии и лексикографии созданием словаря трех типов: большого академического (1 том которого вышел в 1948 г., повторен в 1950 г.), четырехтомного *Толкового словаря русского языка* под редакцией Д. Н. Ушакова (1935–1940 гг., второе издание 1947–1948 гг.; в числе авторов его и соредакторов Д. Н. Ушакова был С. И. Ожегов) и, наконец, однотомного *Словаря русского языка* (1949 г.). Игнорирование советской лексикографической работы, широко известной всей советской общественности, есть игнорирование одного из важных разделов отечественной науки.

Подведем итоги. В рецензии т. Родионова, как мы видели, есть то, что следует несомненно принять к сведению для соответствующих исправлений. Но этого слишком мало для рецензии, помещенной в руководящем органе печати. К сожалению, она далека от тех требований, которые мы предъявляем к советской критике. Автор рецензии не изучил словаря, не изучил истории советской лексикографии, не вник в сложный комплекс языковедных проблем (в частности, в вопрос о лексических границах современного литературного русского языка <...>), не задался вопросом о том положительном, что есть в Словаре (а оно, по-видимому, есть, судя по отзывам советской и зарубежной критики и по материалам обсуждений в научных учреждениях и вузах). Сформулированный в заглавии вывод рецензента представляется односторонним, построенным на случайно взятом, недостаточном и неисчерпывающем материале.

“ “ сентября 1950 г. (С. И. Ожегов)

Кандидат филологических наук.

Старший научный сотрудник

Института языкознания АН СССР.

Доцент Московского государственного университета.

Публикуется по: Архив РАН. Ф. 1516. Оп. 1. Ед. хр. № 225. Лл. 1–3). Авторизованная машинопись (копия с подписью ученого без указания точной даты написания — сентябрь 1950 года).

ИСТОЧНИКИ И СОКРАЩЕНИЯ

Архив РАН — Архив Российской академии наук (Москва)

ЛИТЕРАТУРА

1. Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Малый толковый словарь русского языка. М., 1993.
2. Никитин О. В. Забытые страницы русской лексикографии 1920-х гг. (предыстория «Ушаковского словаря») // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1 (7). С. 195–228.
3. Никитин О. В. Очерки по истории русской лексикографии первой половины XX века (толковые словари): Монография. Славянск-на-Кубани, 2012.
4. Никитин О. В. Забытая картотека, или Судьба русского «Лярусса» // Мир русского слова. 2016. № 1. С. 13–22.
5. Никитин О. В. Отечественная лексикография в 1930-е гг.: борьба идей и идеологий (из истории создания и обсуждения «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова) // Мир русского слова. 2016. № 3. С. 27–40.
6. Никитин О. В. «Ушаковская эпопея» (неизвестные страницы знаменитого словаря) // Русская речь. 2016. № 3. С. 51–62.
7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М., 1999.
8. Родионов Н. Об одном неудачном словаре // Культура и жизнь. № 16 (144) от 11 июня 1950 г. С. 4.
9. Словарь русского языка / Сост. С. И. Ожегов; Гл. ред. акад. С. П. Обнорский. М., 1949.
10. Словарь русского языка / Гл. ред. А. П. Евгеньева. Т. 4. М., 1988.
11. Толковый словарь русского языка. Т. 4 / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1940.

REFERENCES

1. Lopatin V. V., Lopatina L. E. (1993) *Malyi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Small Explanatory Dictionary of the Russian language]. Moscow. (in Russian)
2. Nikitin O. V. (2004) *Zabytye stranitsy russkoi leksikografii 1920-kh gg. (predystoriia «Ushakovskogo slovaria»)* [Forgotten pages of Russian lexicography of the 1920s (prehistory of "Ushakov's Dictionary")]. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], no. 1 (7), pp. 195–228. (in Russian)
3. Nikitin O. V. (2012) *Ocherki po istorii russkoi leksikografii pervoi poloviny XX veka (tolkovye slovari)* [Essays on the history of Russian lexicography of the first half of the XXth century (Explanatory dictionaries)]. Slavyansk-na-Kubani. (in Russian)
4. Nikitin O. V. (2016) *Zabytaia kartoteka, ili Sud'ba russkogo «Liarussa»* [Forgotten Card Index, or a History of Russian "Larousse"]. *Mir russkogo slova* [The World of Russian Word], no. 1, pp. 13–22. (in Russian)
5. Nikitin O. V. (2016) *Otechestvennaia leksikografiia v 1930-e gg.: bor'ba idei i ideologii (iz istorii sozdaniia i obsuzhdeniia «Tolkovogo slovaria russkogo iazyka» pod redaktsiei D. N. Ushakova)* [Russian Lexicography in the 1930s: the Struggle of Ideas and Ideologies (Glimpses of History of Creation and Discussion of "The Explanatory Dictionary of Russian Language" edited by D. N. Ushakov)]. *Mir russkogo slova* [The World of Russian Word], no. 3, pp. 27–40. (in Russian)
6. Nikitin O. V. (2016) «Ushakovskaia epopeia» (neizvestnye stranitsy znamenitogo slovaria) ["Ushakov's epopee" (unknown pages of the famous dictionary)]. *Russkaia rech'* [Russian Speech], no. 3, pp. 51–62. (in Russian)
7. Ozhegov S. I., Shvedova N. Ju. (1999) *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian language], 4th ed. Moscow. (in Russian)
8. Rodionov N. (1950) *Ob odnom neudachnom slovare* [On one unsuccessful Dictionary]. *Kul'tura i zhizn'* [Culture and life], no. 16 (144), 11.06.1950, p. 4. (in Russian)
9. Ozhegov S. I. (1949) *Slovar' russkogo iazyka* [Dictionary of the Russian language] (ed. by S. P. Obnorskii). Moscow. (in Russian)
10. Evgen'eva A. P. (1988) *Slovar' russkogo iazyka* [Dictionary of the Russian language], vol. 4, Moscow. (in Russian)
11. Ushakov D. N. (1940) *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian language], vol. 4, Moscow. (in Russian)